

В последней строчке содержится обидный упрек героине — она остается не просто в Европе, а с «нефтяниками» — презируемыми богемой состоятельными людьми. В воспоминаниях Седых описывается скрытый конфликт между ними:

«На следующее утро все переменялось... Гарсоны сменили свои засаленные пиджаки на белые смокинги и, что было совсем плохо, цену на кофе удвоили. Наверху уже подвывали саксофоны, столики были накрыты подкрахмаленными скатертями, и метрдотель почтительно подавал “нефтяникам” карточку шампанских вин. Внизу еще была старая публика — художники, литераторы и люди неопределенных профессий, считавшие себя богемой, но чувствовали мы себя на положении бедных родственников».

Лирическому герою нужна не «парижская любовь» с «самочкой» в «шелках», а «человечья» близость. Он способен не только остановить «озверевшую страсть», но и «взнуздать», «смирить» «чувства» ради того, чтобы остаться верным себе, своему предназначению («долго//...просто//разговаривать стихами...»), своим представлениям о любви («Ревность, //жены, //слезы...//ну их!..»), наконец, тем, с кем его связали годы борьбы с «заплатами» и «чахоткой» («Я не сам, //а я//ревную//за Советскую Россию»).

Романтически максималистские требования к любви, характерные для ранней лирики поэта, дополняются утверждением необходимости выбора (мотив «перекрестка»). Любовь ассоциируется с полнотой жизни, достичь которую возможно только через единство любящих.

Роман поэта с Татьяной Яковлевой не оборвался с его отъездом из Парижа. Они переписывались, а весной следующего, 1929 года увиделись снова. Но это была последняя встреча, осенью Яковлева была помолвлена с французским дипломатом дю Плесси.